

Оружие промышленной политики

В своих отчётах о глобальном цикле МВФ (январь) и ОЭСР (февраль) полагают, что риск «жесткой посадки» экономики миновал благодаря устойчивому росту и «неожиданно» быстрому снижению инфляции. Центробанки склоняются к тому, чтобы в течение года начать процесс снижения процентных ставок, но пока колеблются. Их способность действовать с «большой уверенностью», как говорит ФРС, зависит не столько от вызываемых рынками колебаний уровня инфляции или ставок в десятичных знаках, сколько от неизвестных переменных геополитики, перевооружения, театров военных действий и крупных электоральных турниров. Глобальный экономический рост в трёхлетний период 2023–2025 гг. останется чуть выше 3 %, что ниже среднегодового показателя в 3,8 % за предыдущие 20 лет. Ожидается, что в 2024 и 2025 гг. мировая торговля после застоя 2023 г., вызванного ветрами войны, энергичным ужесточением монетарной политики и многочисленными протекционистскими мерами, оживится и достигнет темпов 3,3 и 3,6 % соответственно – это оптимистичный прогноз, хотя он и ниже среднего показателя, составляющего около 5 % в год в последние 20 лет.

Отметим, что в «развивающихся» странах прогнозируется средний темп роста, более чем вдвое превышающий темп «развитых» экономик (в 2024 году: 4,1 и 1,6 % соответственно). После Covid Индия снова стала лидером «развивающихся» рынков с показателем 6,5–7 %. Китай борется за поддержание роста на уровне 5 %, зажатый между длительным ипотечным кризисом, задолженностью провинциальных правительств и дефляционным давлением на цены производителей и экспортные цены, которые способствуют дезинфляции на Западе. Россия вернулась к росту на уровне 3 %, а военная экономика прорвала стену санкций, найдя в Китае и Индии часть рынков сбыта, утраченных на Западе. Глава ЦБ Эльвира Набиуллина предупреждает, что Россия – машина с хорошим разгоном, но «двигатель рано или поздно перегреется, и далеко мы не уедем» (Банк России, 15.12.2023): в 2024 и 2025 гг. рост замедлится до 2,6 и 1,1 %.

США и ЕС: две скорости

Среди «развитых» стран самый большой разрыв в росте наблюдается между Соединёнными Штатами и Европой: по данным МВФ, за двухлетний период 2023–2024 гг. ВВП США вырастет на 2,5 и 2,1 %, тогда как еврозона будет хромать с 0,5 и 0,9 %. По оценкам МВФ, в 2025 г. эти две державы достигнут показателя 1,7 %; ОЭСР считает, что разрыв сократится, но сохранится. ОЭСР перечисляет три причины относительной медлительности Европы: во-первых, ужесточение монетарной политики оказывает гораздо большее давление на экономику еврозоны из-за её банкцентричной системы; во-вторых, в Европе долгосрочное воздействие на относительные цены оказывает энергетический шок; в-третьих, американские семьи потратили накопленные за время пандемии избыточные сбережения на потребление, тогда как европейцы продолжают их приумножать.

Можно также указать на три дополнительных фактора, которые ускорили экономический рост в США. Во-первых, объём чрезвычайных государственных расходов Вашингтона, лишь отчасти переведённых в потребление: согласно октябрьскому *Fiscal Monitor* МВФ, эти расходы привели к циклически скорректированному дефициту сектора государственного управления в размере 8,8 % ВВП в 2023 г. и добавят ещё 7,6 % в год в следующие два года. В еврозоне соответствующий дефицит за три года составит 3,3/3,7/3,7 % ВВП, то есть разрыв между США и ЕС – 4–5 процентных пунктов в год. Во-вторых, расходы правительства США на промышленные субсидии привлекли инвестиции из Европы. В-третьих, европейская экономика понесла большой ущерб от коллапса мировой торговли: торговля ЕС со странами, не входящими в ЕС, обеспечивает 32 % европейского ВВП; в США этот показатель равен 21 % ВВП.

Германия в беде

Наибольший ущерб понесёт Германия: это единственная крупная промышленная держава, которая в 2023 г. впадёт в рецессию (0,3 %). В 2024 г. она же будет восстанавливаться медленнее всех. Великобритания и Япония во второй половине прошлого года вступили в рецессию, но достигнут позитивной динамики в течение этого года. Январский

ежемесячный отчёт Бундесбанка оценивает потенциальный ущерб, который геополитика наносит китайско-германским отношениям: Германия направляет 7 % своего экспорта в Китай и получает оттуда 13 % своего импорта; в 2022 г. на Пекин приходилось 6 % объёма прямых иностранных инвестиций Германии и 15 % прибыли, которую они приносят.

Бундесбанк насчитывает 756 немецких групп, «особенно подверженных влиянию Китая», прямо или косвенно владеющих дочерними компаниями, учитывая только те, которые представляют не менее 10 % общих доходов, капитала и активов немецких зарубежных филиалов по всему миру. С немецкими компаниями, инвестирующими в Китай, напрямую связаны отечественные банки, вложившие 220 млрд евро, что эквивалентно 7 % их активов, взвешенных с учётом риска, и 42 % их основного капитала. Примерно половина риска приходилась на внебалансовые операции, что является очень высокой долей для структуры балансов немецких банков. Правда, как отмечается в докладе со ссылкой на данные БМР, Великобритания ещё более уязвима: её компании вложили в Гонконг 238 млрд евро. Если риски, возникшие в отношениях между Западом и Китаем, материализуются, сказано в докладе, это станет «огромным ударом» для немецкой экономики, особенно «в крайнем сценарии внезапного декаплинга». Отсюда и призыв к бизнесу и политикам «делать больше для снижения рисков и повышения устойчивости немецкой экономики».

Что с производительностью?

Старший экономист Natixis и член совета директоров Total Патрик Артюс связывает лучшие показатели США с более высоким ростом производительности. В некоторых заметках, написанных в январе для Natixis, Артюс утверждает, что этот разрыв имеет, по сути, структурные причины. Во-первых, это старение когорты трудоспособного возраста: в период с 2002 по 2022 г. доля населения в возрасте от 50 до 64 лет среди тех, чей возраст от 15 до 64 лет составляет 27,8 % в США и 29,9 % в еврозоне. Вторая причина касается инвестиций в новые технологии, в том числе программное обеспечение, и их доли в ВВП: в 2022 г. они составили 3,7 % в США и 2,6 % в еврозоне. Третья причина – доля расходов на НИОКР в ВВП: в 2021 г. они составили 3,5 % в США и 2,3 % в еврозоне. Четвёртая причина – темпы формирования основного капитала по отношению к ВВП без учёта жилья: в период 2002–2022 гг. в США они составили 2,4 % в год, в еврозоне – 1,7 %.

В версии, опубликованной в конце января в *Les Echos*, Артюс опускает фактор возраста, заменяет основной капитал капитализацией на фондовом рынке (162 % ВВП в США, 67 % ВВП в еврозоне) и добавляет пятый параметр – технологический, или количество патентов на 1 млн жителей: в 2023 г. их было 40 в США и 28 в еврозоне. Артюс подсчитал, что *производительность на душу населения* за двадцатилетний период выросла на 43 % в США и только на 10 % в еврозоне. По его оценке, разница в инвестициях в новые технологии, расходах на исследования и патенты объясняет 80 % разрыва в производительности.

Это сложный вопрос. В ноябре прошлого года *The Economist* заявила, что после резкого роста производительности в период с 1995 по 2004 г., вызванного развитием информационных технологий, с 2011 г. Америка страдает от «векового падения» производительности в обрабатывающей промышленности (и это касается производства как товаров длительного пользования, так и товаров кратковременного пользования) в 14 из 19 её подотраслей. Рост производительности труда (*выработка в час*) в экономике США соответствует указанному Артюсом. Но с 2000 по 2011 г. производительность обрабатывающей промышленности США выросла на 45 % по сравнению с 38 % в ЕС (без Великобритании), однако в период с 2011 по 2022 г. она снизилась на 5 %, тогда как в ЕС выросла на 21 %. *The Economist* комментирует: «Америка может быть свертехнологичной державой, но, когда дело доходит до использования технологий в физическом мире, она отстаёт от других».

Стратегическая промышленная политика

Потеря производительности промышленных систем является одним из аргументов в поддержку императива двойного перехода – энергетического и цифрового. Этот аргумент был логичен, когда после мирового финансового кризиса и европейского долгового кризиса тупиковая ситуация в цикле накопления, описываемая как «вековая стагнация», привела к необходимости срочного открытия нового инвестиционного цикла. Платформой для этого и стало климатическое сражение. Планы промышленной политики, начиная с китайских

Шёлкового пути и “Made in China 2025” и продолжая планами, предложенными во Франции и Германии, Японии и Индии, а также планами президента Байдена, сместили центр тяжести капиталистической мобилизации от рынка к государству, от инициатив кейнсианского типа к действиям, мотивированным стратегическими целями держав, к интервенционизму, характеризующемуся экономическим национализмом или “национальной экономией”, а в политической риторике произошёл сдвиг от конкуренции между экономическими группами к соперничеству между государствами. Как предсказывает марксистская теория, угасающая держава находится на переднем крае утверждения промышленной политики и перевооружения (пока ещё низкой или средней интенсивности), введения торговых и технологических барьеров, преференциальных субсидий, саботажа многосторонности.

Саймон Эвенетт основал в CEPR (Centre for Economic Policy Research) наблюдательный пункт для изучения мер “новой промышленной политики”. Его данные за 2023 г. показывают, что во всём мире этих мер было более 2.500, 71 % из которых искажают торговлю. 48 % – это меры, принятые Китаем, Евросоюзом и США. Четверть приходится на продукцию и материалы двойного (военного/гражданского) назначения, 15 % – на низкоуглеродные технологии, 21 % – на биомедицинскую и полупроводниковую продукцию. На долю алюминия и стали, важнейших секторов традиционной промышленной политики, приходится 10 %. Треть мер мотивирована соображениями конкурентоспособности, 28 % – изменением климата, 15 – поиском устойчивости цепочек поставок. Пятая часть мер направлена на укрепление национальной безопасности – это вежливый способ говорить о перевооружении.

Пророчества и заклинания

В этом процессе трансформации промышленной политики из дополнения к глобализации в её альтернативу углубляется разочарование сторонников либеризма. Ведутся дискуссии о результатах промышленной политики, рассматриваемой как совокупность мер экономической политики, и признаётся, что они будут представлять собой смесь успехов и неудач. Экономист Дэни Родрик, в течение многих лет являющийся либеристом, критикующим глобализацию, основанную на Вашингтонском консенсусе, является сторонником промышленной политики и делает ставку на то, что в конечном итоге успехи перевесят неудачи. Главный экономический обозреватель *Financial Times* Мартин Вулф, напротив, опирается на поучительное исследование Института Петерсона о 50-летию промышленной политики и видит в «новом интервенционизме» огромную трату денег, торговые войны и фрагментацию: *«Начать фрагментацию очень легко. Но её будет трудно контролировать и ещё труднее повернуть вспять».*

The Economist ведёт кампанию против промышленной политики с тех пор, как обрели форму три основных американских плана, касающихся соответственно инфраструктуры, полупроводников и науки, климата и субсидий для электромобилей в рамках IRA. По мнению еженедельника, Америка возглавляет *«опасное глобальное скатывание к субсидиям, экспортному контролю и протекционизму».* Газета Сити, конечно, не является монолитом: на её страницах можно увидеть как линию на тривиализацию “эксперимента” Джо Байдена, подчёркивающую, что планируемые 1,9 трлн долл. инвестиций за десятилетие в три проекта представляют собой менее 1 % годового ВВП США, так и линию драматизации выбора в качестве цели безопасности и приоритета устойчивости над эффективностью, который вызовет искушение сделать совокупные инвестиции в оборудование, “зелёную” энергию и аккумуляторы в размере от 3 до 4,6 трлн долл., то есть от 3,2 до 4,8 % ВВП.

Февраль 2024 г.